

КАТЯ КАЛИНИНА

Очём

молчат

ДЕТИ,

когда говорят

РОДИТЕЛИ

Катя Калинина

**О чем молчат дети,
когда говорят родители**

«Издательские решения»

Калинина К.

О чем молчат дети, когда говорят родители / К. Калинина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989649-0

Книга раскрывает проблемы, в наличии которых ребенку бывает трудно признаться. Сложнее всего детям даются разговоры о чувствах. Они могут бояться показаться смешными, глупыми, наглыми. Поэтому там, где помогла бы доверительная беседа, дети по разным причинам выбирают хранить молчание. Книга «О чем молчат дети, когда говорят родители» показывает «закулисы» детских сердец. Доступным языком в игре интересных сравнений Катя рассказывает взрослым о том, о чем обычно молчат дети.

ISBN 978-5-44-989649-0

© Калинина К.
© Издательские решения

Содержание

Благодарности	6
О чем молчат дети, когда говорят родители	7
Моя история вместо предисловия	7
О родительских ожиданиях	10
Материнство как триллер или подвиг	10
Мнение общества	12
На пределе возможностей	14
О праве быть собой	18
Какой я?	18
Лидер	21
Тревожный ребенок	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

О чем молчат дети, когда говорят родители

Катя Калинина

Дизайнер обложки Анна Изотова @izotova_anna

Иллюстратор Виктория и Кирилл Барановы @baranovaviktoriiia1803

Редактор Марина Калинина @marina_leyak

© Катя Калинина, 2020

© Анна Изотова @izotova_anna, дизайн обложки, 2020

© Виктория и Кирилл Барановы @baranovaviktoriiia1803, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-9649-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

Книга, которую Вы держите в руках, появилась благодаря дневному сну моей младшей дочери, поскольку именно эти два часа на протяжении нескольких месяцев были единственным временем для встреч с воспоминаниями и вдохновением. Иногда было сложно не уснуть вместе с малышкой, и порой я разрешала себе эту малость, потому что знаю, как любая жертва в отношении проекта или ребенка может поставить его в долг перед автором и родителем. Мне же хотелось, чтобы все было по любви, и, кажется, это удалось.

Чтобы начать писать, укладывать мысли в главы и подводить их к какой-то одной концепции, не имея опыта написания книг, я обратилась к замечательным девушкам из моего окружения, которые имели особые отношения с филологией, литературой, редактурой и согласились выступить в качестве бета-ридеров: Настю Цыганкову, Таню Чулакову и Марину Калининую.

От всей души благодарю Екатерину Оаро, литературного редактора, автора бестселлера «Держись и пиши», за ценные замечания в отношении моего черновика с рукописью, за обратную связь и профессионализм. Встреча с таким редактором, как Катя, несет в себе гораздо больше, чем просто корректуру писательского потока.

Я благодарна всем клиентам, которые дали разрешение на публикацию своих историй. Мне важно знать, что кадры из их жизни легально поселились в этой книге, а не были украдены тайком.

Спасибо всем откликнувшимся в сети на предложение написать свою историю детской ревности! Их откровения, поддержка и опыт также не дали мне сойти с дистанции и бросить книгу. Я не смогла использовать все присланные письма, однако каждое из них имеет ценность и вклад в раскрытие этой непростой темы.

Выражаю огромную благодарность Вике и Кириллу Барановым за иллюстрации к текстам!

Спасибо Ане Изотовой за такую «вкусную» обложку! Какое счастье осознавать, что мои тексты выходят в таком красивом наряде.

Особую благодарность выражаю Ларисе Пяткиной, психотерапевту и преподавателю курса «Гештальт-подход в работе с детьми по модели Вайолет Оклендер», за поддержку в работе над книгой.

Спасибо подругам, знакомым, вместе со мной придумывавшим название для книги, за веру в мои силы, за вовремя заданные вопросы!

Благодарю свою семью, мужа и детей за терпение, уютное плечо и уважение к моей затее с книгой. Вадим, Костя и Люся, мне было бы очень трудно довести это дело без вашей поддержки!

О чем молчат дети, когда говорят родители

Моя история вместо предисловия

Материнский опыт сыграл большую роль в становлении меня как специалиста по работе с детьми, потому что позволил заглянуть в самые темные уголки своей души и вскрыть ранние обиды. После знакомства со своими уязвимыми местами и триггерными точками в отношениях с близкими мне стало легче выступать «адвокатом» ребенка, родитель которого приходит ко мне на консультацию. Это на самом деле легко делать, потому что я уже не ворошу осиные гнезда своего детства, когда работаю с другими семьями, и не избегаю неприятных тем.

За двенадцать лет материнства жизнь заставляла меня много раз пересматривать свои взгляды на воспитание. И если когда-то я мечтала, что мои дети будут друг для друга лучшими друзьями, то сейчас мне легче воспринимать их общение как тренажер по развитию дипломатических качеств. Мгновения их дружбы я ловлю также часто, как и ситуации, где воплощаются в реальность родительские страхи о взаимной ненависти в отношениях детей. Я с тревогой и порой весельем наблюдаю, как мои старшие дети реагируют друг на друга, борются за лидерство, ведут незримые сражения за любовь родителей и при этом все глубже прорастают нежностью друг в друга.

Больше десяти лет я работаю психологом, помогая детям и их родителям находить в себе силы снова улыбаться. Личная практика показывает, что проблемы обычно стучатся в дом к тем семьям, где не принято говорить о чувствах; где гнев, зависть и ярость вынуждены маскироваться симптомами заболеваний и нервными тиками. Грустно констатировать, но в ряде случаев речь идет об отношениях внутри семьи.

Когда я задумывала эту книгу, то планировала поделиться на ее страницах своим родительским опытом и историями, приключившимися с другими мамами и папами. Я не хотела соскальзывать в сторону нравоучений и тащить в книгу свой профессиональный багаж. Должна признаться – мне удалось это лишь отчасти. Я очень надеюсь, что мои размышления на тему психологии детства ее не испортили. Хочется верить, что книга понравится читателям!

Мне точно известно, что я не единственная мать, которая растила ребенка по «инструкции» и рекомендациям именитых педиатров, психологов. Я регулярно встречаюсь с похожими мамами в своем кабинете. Их дети почти всегда имеют симптом невроза. Мамы стесняются обращаться к психологу, потому что для большинства из них это фиаско на личном пути к ордену. Им трудно даются признания в ошибках, и поэтому они стараются избежать столкновения с теми специалистами, которые могут на них указать. Я тоже была такой мамой.

Сын родился, когда мне было 22. Тогда я верила, что, ориентируясь в этом вопросе на книги по педагогике и педиатрии, измеряя прикорм в граммах, подстраивая режим семьи под таблицу на разворотах учебника, смогу избежать ошибок на данном пути. В поиске «инструкции» к ребенку я прочла всего Бенджамин Спока, пробовала внедрить в нашу жизнь принципы педагогики Некрасовых, а потом изучила книгу Жан Ледлофф, в которой говорилось о доверии к природе самого ребёнка, как это происходило в племенах индейцев, которых не коснулась цивилизация.

Я старалась быть правильной мамой, лучшей для своего сына. Изучив гору литературы, я кормила и укладывала Костю спать строго по времени, увеличивала объем каш и овощных пюре согласно возрастной схеме прикормов. С шести месяцев я стала учить сына собирать пирамидку, потому что наткнулась на информацию о том, будто это необходимый навык для такого раннего возраста.

Сейчас мне кажется, что я дрессировала и себя и сына, поскольку была одержима идеей сделать из ребенка идеальный проект, реализовав в его жизни свои собственные амбиции, которыми пришлось поступиться из-за декрета. Да, пока мои однокурсники подыскивали работу своей мечты, я направляла всю свою энергию и идейность на развитие сына. Я боялась, что, позволив себе расслабиться, непременно упущу что-то важное на пути воспитания ребенка, поэтому была в вечном тонусе, следуя ежедневным ритуалам по укладыванию на сон, уделяя большое внимание прогулкам, развивающим занятиям, готовя специальные супчики на втором бульоне и делая многое другое.

Костя рос крепким смышленным мальчиком с упрямством в характере. Его нрав был замечен всем – родственникам, бабушкам у подъезда, мамам на детской площадке. Желая чего-то, он настаивал, а если чего-то не хотел, то ни в коем случае не делал. Так он заставлял своих дедов бесконечно сражаться с ним на поролоновых мечях и мог дать им кулаком в колено, если те говорили, что утомились. Разборчиво болтая в свои два года, он отказывался здороваться на улице с другими, никогда не говорил «спасибо» и играл в песочнице в чужие игрушки, пряча и охраняя свои под уличной лавкой.

Молчаливый на людях, в своей домашней среде он тиранил нас с мужем, заставляя упражняться в терпении и дипломатии. Я, как и принято в нашей русской культуре, много стыдилась, краснела за сына и занудствовала в общении с ним, призывая делиться, здороваться и быть благодарным. Мечта вырастить «достойного мужчину» неммым укором требовала от меня постоянной включенности в жизнь ребенка, чтобы не пропустить какую-нибудь его оплошность, не оставить ее без внимания. В то время я наивно полагала, что дети приходят в этот мир чистыми листами и то, чем они будут в итоге заполнены, во многом зависит от родителя.

Мне думалось, что, «отфильтровав» среду, создав вокруг своего чада атмосферу с правильными установками на нравственность, вежливость и доброту, я не дам возможности гнилым зернам вроде грубости, хамства и агрессии поселиться в его сердце. Взяв такой вектор в педагогике и воспитании ребенка, на самом деле я заперла дверь к личности своего сына на несколько замков и добровольно выбросила от них ключи с моста. Как же самонадеянно я выглядела, когда обесценивала природу самого ребенка и не брала в расчет его право испытывать разные чувства. Но и быть другой я не могла, поскольку сама находилась лишь в начале пути самопознания.

Позже я убедилась на собственном опыте, что инструкции о том, как надо воспитывать детей, оказываются совершенно бесполезными, если родители не понимают, что происходит у них в голове. Другими словами, понять ребенка можно, если ты понимаешь сам себя. И наоборот, если мама не привыкла различать оттенки собственных переживаний и вырастила вокруг себя защитный панцирь, то ей будет трудно замечать полутона эмоций своего ребёнка.

Сейчас Косте двенадцать. Он растет хорошим добрым парнем, проявляя металлическое упрямство там, где нарушают его границы. Я научилась принимать его характер, но не перестала вздыхать о том, как же это неудобно для родителей. Порой нет сил вести долгие беседы о целесообразности организовывать свой день, складывать вещи на место, быть великодушным к младшим сестрам, то и дело атакующим дверь в его комнату. Бывает, что нет сил не замечать этого всего. Особенно девочки любят втянуть меня в разборки с братом. И тогда я взрываюсь. Но потом мы всегда говорим, потому что в любом конфликте все стороны имеют право на откровенность.

Часто дети не знают, как говорить о том, что чувствуют. Они могут бояться показаться смешными, глупыми, наглыми. Там, где помогла бы беседа с родителем, дети обычно предпочитают молчать. Иногда взрослые могут только догадываться о том, что волнует их ребенка, получая на вопрос «как дела?» формальный ответ «нормально». В этой книге я показываю

«закулисье» детских сердец, в которые мне довелось заглянуть, чтобы рассказать, о чем обычно молчат дети.

О родительских ожиданиях

Материнство как триллер или подвиг

У меня в кабинете сидела мама старше сорока лет и её дочка-третьеклассница.

– У меня больше нет сил бороться с ребенком – она ничего не хочет учить ни в школе, ни дома, – кратко обозначила проблему женщина.

Иногда родители приходят с детьми, надеясь, что тётя-психолог растолкует им, как не надо себя вести. Вот и здесь я почувствовала, что от меня ждут проявления несокрушимого авторитета, что я должна повлиять на мнение школьницы. Маме хотелось, чтобы психолог нашел те самые подходящие слова, после которых детка сразу возьмётся за ум. Раньше в таких неловких ситуациях я начинала беспокоиться, подбирая нужные слова, дабы не разочаровать родителя, но и не пойти против своей воли. Со временем я научилась полагаться на течение беседы и оставаться собой даже там, где меня вынуждают принять инициативу.

На вопрос о том, как протекала беременность и роды, женщина отвечала развёрнутым повествованием, экспрессивно жестикулируя и вовлекая меня в эмоциональный водоворот её слов. Подробности жизни складывались в леденящую картину, подталкивая любого слушателя согласиться с тем, что вся жизнь женщины была окрашена оттенками ужаса.

– У нас с мужем долго не было детей – не получалось. Когда мне стукнуло 35, мы решились на ЭКО. Со второй попытки я забеременела и сразу же начала мучиться токсикозом, но в целом все протекало нормально.

– Сталкивались со стрессом во время беременности?

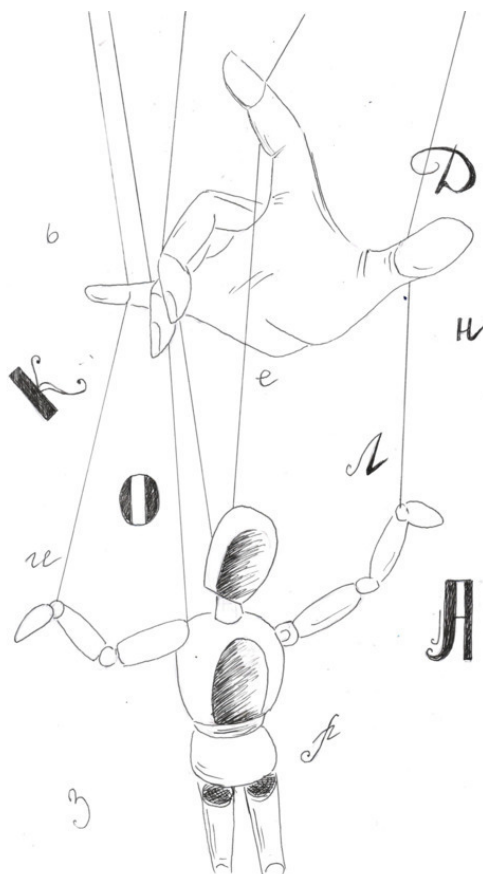
– Конечно. Мы страшно ругались с мужем, и нам пришлось развестись, когда я была на шестом месяце, но от ребенка он не отказывался. Мы общаемся, у нас европейские дипломатические отношения.

– Всегда ругались с мужем?

– Нет, вот как забеременела – началось! Почти сразу меня положили на сохранение, и до середины срока врачи ставили мне угрозу выкидыша. А в 20 недель на УЗИ вдруг сообщили, что ребенок умер! Представляете, каково это? Непередаваемые чувства! Я взяла с собой подругу и поехала в другой медицинский центр делать УЗИ, и там «нашли» сердцебиение! А так мне уже выписали направление на искусственные роды! Представляете, если бы я согласилась, не перепроверив?!

Восстанавливая в памяти события того периода, женщина не плакала и не горевала. В её глазах не было страха или печали. Я видела в них блеск затаённой злости и обиды, а вокруг всего этого много энергии, которая не может не сопровождать такие сильные чувства.

– Как проходили роды? – в списке вопросов для сбора анамнеза оставалось ещё несколько пунктов.

– Также нескучно. У дочери было тройное обвитие пуповиной, поэтому мне делали кесарево. Тем более, как я могла рисковать, рожая сама, когда ребёнок такой долгожданный и выстраданный? Но во время операции повредили какой-то сосуд на матке, и её пришлось удалить в экстренном порядке. Ребенка увезли в отделение реанимации, потому что врачи заподозрили какие-то проблемы с лёгкими. Еще месяц нас с дочкой держали в больнице, потому что у неё диагностировали пневмонию, а в головном мозге выявили две кисты. Нас отпустили домой при условии, что каждые два месяца мы будем проходить у них обследование в стационаре.

Далее последовал рассказ мамы о том, сколько раз ей пришлось столкнуться с врачебными ошибками за последние десять лет, сколько денег и сил вложить в развитие и лечение дочери, которая вроде уже здорова, но вот почему-то совсем не учится. Как призналась мама, если бы существовало средство, помогающее сформировать интерес к школе, она бы давно его купила, даже втридорога, но вместо этого женщине посоветовали обратиться к психологу, и вот они тут, у меня в кабинете.

– Но и это ещё не всё... – предупредила меня измученная событиями жизни мама, склонившись над разделяющим нас с ней столом и понизив голос. – У Даши проблемы в отношениях с учителем... Дело в том, что наш классный руководитель выбрала мою дочь в качестве козла отпущения и троллит её при всём классе уже третий год!

Женщина рассказала о том, как учитель высмеивает невнимательность Даши, вызывая тем самым грохот смеха у остальных учеников и заставляя краснеть девочку; как её никто не хочет брать в команду на интеллектуальных викторинах, и в такие моменты учитель не упускает возможности снова «проехаться» по плохой успеваемости Даши и её неспособности составлять конкуренцию одноклассникам.

Вместо того, чтобы отвечать на эмоциональный запрос клиента, я тоже задаю вопрос:

– Зачем же вы все это время терпите? Можно же было поменять класс или школу, поговорить с директором, пресечь такое отношение к ребенку.

– Я считаю, Даша сама виновата. Если б она хорошо училась, все бы мечтали быть с ней в команде! – женщина с раздражением взглянула на дочь, а потом задала тот самый вопрос, который по идее должен стать запросом на индивидуальной психотерапии. – Почему вообще всё это происходит со мной? У меня нет никакой возможности расслабиться...

Все это время девочка сидела и играла кинетическим песком. Слушая маму, я наблюдала за тем, как Даша лепит горы, потом делает в них углубления-пещеры, затем ломает постройки и начинает создавать что-то другое. Она не была похожа на гиперактивную рассеянную девочку и просидела за одним занятием полчаса, лишь однажды вежливо спросив разрешения взять коробку с резиновыми животными. Все это время Даша оставалась безучастной к излияниям души матери и никак не реагировала на ее ранящие высказывания. Когда я спросила, чем она больше всего любит заниматься, девочка ответила: «Играть!»

Но вместо игр Даша была вынуждена целыми днями учиться, чтобы тянуть школьную программу: до восьми вечера этот процесс контролировался бабушкой, а потом приходила с работы мама и сменяла ее, потому что обе женщины никак не могли оставить в покое такого «долгожданного», «вымученного» ребёнка. Даша «должна» была оправдать надежды предыдущих поколений, как единственный их потомок.

Ссылаясь на имеющиеся у мамы Даши вопросы к жизни, я мягко рекомендовала ей подумать о возможности личной психотерапии. Жизнь как триллер может быть очень удобной по жанру, если маме хочется реализовать сценарий жертвы или совершить подвиг. Жалко, что ребёнок тут лишь фоновый персонаж.

Мнение общества

Эта история коснулась меня, когда я только-только оправилась после вторых родов. За помощью ко мне обратилась учительница начальных классов. Валентина Андреевна позвонила и попросила «посмотреть» дочь-третьеклассницу, потому что волновалась, что у той «не все в порядке с головой». Когда я спросила маму, что ее смущает в дочери, она предложила мне все самой увидеть при встрече.

Мы встретились через неделю. Пока муж гулял с нашей маленькой дочерью, наматывая круги по микрорайону, я беседовала в кабинете с девочкой Ларисой. Валентина Андреевна осталась в коридоре и ждала моего «вердикта». Почти сразу стало понятно, что смущало маму-педагога: девочка неохотно шла на контакт, не отвечала на вопросы, но при этом смотрела на меня широко распахнутыми глазами, слушала и почти не моргала. Все, что она позволила себе проявить со мной рядом, – это прошептать собственное имя, начать писать его красным карандашом на белом листе, но не закончить.

На любую просьбу, которая подразумевала какую-либо активность (нарисовать, рассказать, выбрать игрушку) она выдавала реакцию ступора и пыталась вжать шею в плечи, но зато неплохо откликалась на предложение показать пальцем на названный мною предмет или ответить на простые вопросы, с которыми можно было справиться, просто кивнув или отрицательно помотав головой. Девочка продемонстрировала полное понимание происходящего вокруг нее и дала мне знать, что хорошо ориентируется в пространстве и времени.

– У нее аутизм, Екатерина Александровна? – с вызовом в голосе потребовала ответа Валентина Андреевна, как только мы вышли с Ларисой из кабинета.

– Не похоже. Почему вы решили, что у неё есть отклонения от нормы?

– Ну она замкнутая, а еще ее ни за что не заставишь делать то, чего она не хочет.

– Должна вас успокоить, это не признаки аутизма. Да, замкнутость присутствует, но, вероятнее всего, это личностная особенность или защитная реакция.

– Что с этим можно сделать? – тут женщина перешла на шепот. – У меня за спиной уже весь преподавательский состав шушукается... Я учитель начальных классов, на моем счету уже четыре выпуска учеников, и ни один из них не позволял себе молчать, когда я вызываю к доске, или уводить взгляд, если его приветствуют. А она это делает! – Валентина Андреевна глазами показала мне на Ларису, которая в этот момент шнуровала кеды.

– Как вы реагируете на такое поведение дочери?

– Бешусь. Это позорит меня, понимаете? Такое поведение перечеркивает все мои заслуги и опыт в педагогике. Подобное невежество Ларисы по отношению к другим учителям и вовсе отбрасывает тень на меня как на плохую мать, которая не может воспитать вежливого ребёнка.

– То есть вас задевает то, что страдает ваш «авторитет»?

– Именно. Я прошла через советское детство: мы были пионерами, носили галстуки и не могли позволить себе так общаться со старшими. За это могли лишиться звания пионера. Поэтому у меня не укладывается в голове, как можно промолчать, когда с тобой здороваются. Я уже говорила с ней по всякому: и по-хорошему, и по-плохому. И каждый раз, когда мы подходим к школе или к дому, я неоднократно напоминаю ей, что нужно поздороваться с учителями и соседями, но... это бесполезно. Захочет – поздоровается, не захочет – придется краснеть и оправдываться перед знакомыми, мол, Лариса не в духе. А ещё у неё в этой четверти выходит «двойка» по математике, потому что она не может запомнить таблицу умножения. Каждый день мы зубрим с ней на кухне «дважды два», «трижды три», и хоть кол на голове теши.

– А стихи Лариса легко запоминает? – спросила я, чтобы понять, насколько масштабна проблема с запоминанием.

– Вот именно со стихами проблем вообще нет, но с математикой беда с тех пор, как Лариса стала проходить таблицу умножения. Педагогический позор...

Люди с высокой тревожностью, в том числе и дети, трудно усваивают любую информацию, потому что всё их внимание сфокусировано на внутреннем страхе совершить ошибку, пораниться, заболеть, потеряться. Но что касается стихов – здесь дело обстоит проще, потому что у них есть рифма, укладывающаяся в память ладные строчки. В отношении Ларисы это стало одним из главных признаков, позволяющих заподозрить у неё выраженное беспокойство, которое, как правило, достигает пика при давлении со стороны, а так же если в семье царит атмосфера диктатуры.

Валентине Андреевне пришлось выбирать, что для нее важнее – то, как она выглядит, по ее мнению, в глазах коллег, или самоощущение дочери. На самом деле для любой мамы здесь нет маневра для выбора. Сердце любит ребенка больше, чем признание коллег. После нашей беседы женщины решила оставить Ларису в покое и хотя бы в качестве эксперимента какое-то время не обращать внимания на Ларисину «неприветливость» в адрес знакомых и друзей.

Женщина поговорила с классным руководителем дочери, чтобы тот мягче относился к Ларисе и опрашивал девочку по выученным урокам наедине, а не при всем классе. Уже через месяц Валентина Андреевна позвонила мне, чтобы поделиться успехами: Лариса стала дружить с двумя девочками, «подтянула» математику и без напоминания здоровается со всеми, только пока очень тихо или едва заметно кивая.

Доверив мне свои переживания, эта семья всколыхнула воспоминания о том, как я изводила полуторагодовалого сына своими нравами. «Помашки тете Полине!» – просила я его, когда мы встречали соседку, которая раз от раза усердствовала в приветствиях. Она трепала его за вихры на макушке, махала морщинистой рукой и сопровождала все эти действия комментариями о том, как важно расти вежливым и почитающим старших.

Костя прятал ладошки за спиной. «Тетя Полина здороваешься с тобой, помаши ей, пожалуйста!» – не успокаивалась я. В это время женщина раскачивала рукой из стороны в сторону, изображая, как нужно здороваться. Устав ощущать неловкость за сына, я брала его сопротивляющуюся ладошку и за него отвечала соседке приветствием. Подобные моменты давили мне на большую мозоль так, что я снова и снова замечала, как плохо воспитываю ребенка, а значит, полагала я, мой сын был обречен вырасти диким и невежливым.

Сейчас ему двенадцать, и даже сегодня он не всегда здороваешься с соседями. И вот, что я об этом думаю. Это его проблема и, возможно, соседей, но не моя. Он точно знает все о правилах приличия и жестах вежливого поведения, но важно понимать, что он также в праве быть рассеянным, задумчивым и иметь собственное мнение на этот счёт. В своей практике я повидала много вежливых «золотых» детей, и среди них слишком мало оказалось тех, кто умеет делать выбор, отстаивать личные границы и расслабляться. В конце концов, забыть поздороваться не так страшно, как не научиться проявлять в жизни собственную волю.

На пределе возможностей

Первый раз с теневой стороной материнства я столкнулась на цикле занятий по психиатрии. На третьем курсе университета нас, будущих медицинских психологов, отправили в женское отделение психиатрической больницы для разбора клинических случаев шизофрении.

За входной дверью в отделение, которая открывалась специальным ключом, похожим на гаечный, слышались вопли. Санитарка уверенным движением открыла дверь и проводила меня и двух сокурсниц в темный коридор. Перешагнув порог, мы увидели в полумраке высокого мужчину в черной куртке, а рядом женщину, по-домашнему одетую в голубой фланелевый халат. В ее глазах пылала ярость, желваки на скулах натянулись струнами перетянутой гитары, из груди рвался крик:

– Сгузенку просила! – кричала она мужчине в лицо. – Почему не принёс?

– Доктор сказал «не положено», – тихонько отвечал мужчина.

– Проваливай, видеть тебя не хочу! Тошнит от морды твоей! – проорала ему в лицо раскрасневшаяся женщина, затем резко развернулась и быстрым шагом направилась по коридору в палату, удерживая в каждой руке по спортивной сумке.

– Идите, идите, не волнуйтесь, – стала утешать мужчину санитарка и провожать его в сторону выхода, – лекарства она получает, скоро успокоится...

Грустно согнутый стройный силуэт незамедлительно исчез за дверями с решетками. Пока мы с девочками снимали верхнюю одежду и переобувались, я услышала, как медсестра с санитаркой что-то говорили про послеродовой психоз:

– Устала она. Зато здесь отдыхает, как на курорте – готовить не надо, посуду мыть тоже, никто ни орет... А дома у нее четверо детей, и все мал мала меньше...

До той истории я и не подозревала, что женщина может дойти до края из-за детей. Пациентка, о которой идет речь, и вовсе шагнула в пропасть патологии, будучи загнанной в тупик, который сложился из недосыпа, усталости и вечного дня сурка. На десятые сутки после родов у нее случился психоз, в порыве которого женщина грозилась супругу выкинуть орущего младенца в окно, а остальных домочадцев зарезать. Муж вызвал психбригаду, когда увидел, что жена распаивает окно в спальне и не шутит, намереваясь выбросить в декабрьскую стужу новорожденную дочь.

В стенах больницы женщина вела себя тихо. Со стороны казалось, что эмоциональное состояние поддается стабилизации и выравниванию, однако стоило при ней упомянуть о детях и супруге, та начинала кричать, грубить и замахиваться. Один раз в неделю женщина передавала через медсестер домашним список с пожеланиями, а после встреч с мужем торопилась

в палату к соседкам, чтобы вместе съесть принесенное мужем печенье и громко возмущаться строгостью лечащего врача, запретившего передавать пациентам сгущенку.

Чем кончилась история, мне неизвестно, однако тот эпизод отпечатался в памяти ярче, чем общение с пациенткой, которая страдала шизофреническим расстройством и утверждала, будто имеет третий глаз.

Фотографии с младенцами на разворотах журналов, рекламные ролики с пухлыми пупсами в подгузниках и привычка общества освещать лишь светлые стороны жизни, не позволяет сформироваться реалистичному представлению о детях. Если бы не выпуски телевизионного журнала «Ералаш» и не «Вредные советы» Григория Остера, то картинка выглядела бы идеальной.

Явление детства выглядит рафинированным и глянцевым, но лишь до той поры, пока мы не становимся родителями. Разоблачение происходит болезненно, ожидания о спящем под балдахинном младенце обрушиваются под давлением суровой реальности, в которой находится место кишечным коликам и физиологической незрелости нервной системы новорожденного ребенка. Это так же неожиданно, как если пользоваться кремом от морщин, чтобы выглядеть моложе, но вместо гладкой кожи получить аллергический отек, о котором производитель умолчал или вынес информацию сноской под «звездочкой» мелким шрифтом.

Когда я ждала первого ребенка, никто не рассказал мне, что после родов каждый мой новый день станет похож на предыдущий, никто не предупредил, что в моей душе поселится зависть к бездетным подругам. Никто даже не намекнул, что жизнь встанет на режим автопилота от выходных до выходных, а я стану грезить работой за любые деньги, лишь бы сбежать из дома. Не то чтобы я как-то хотела вернуть время вспять, отмотать его до момента беременности и избежать материнства. Речь совершенно не о том. Но мне кажется, что, владея полной информацией о грядущих трудностях, я бы смогла подготовиться к ним за девять месяцев.

Родив сына, я наивно полагала, что удовлетворения потребностей новорожденного будет достаточно для того, чтобы он хорошо развивался и был счастлив, и недооценивала значение эмоциональной зависимости ребенка от настроения матери.

– Наш малыш не будет плакать, – уверенно заявляла я мужу, стоило услышать младенческий плач в очереди на кассу в супермаркете.

– Конечно! – соглашался с моими размышлениями супруг, как и я, полагающий, что все детские слезы происходят от черствости взрослых.

Мы были намерены любить своего ребенка изо всех возможных сил, не спускать с рук, кормить по требованию и покупать лучшие подгузники. Никто из нас не мог подумать, что совсем скоро сын преподаст нам несколько ярких уроков, после которых мы перестанем с осуждением поглядывать на семьи с орущими детьми. Я помню, как мы смеялись с мужем, убегая из торгового центра и подхватив за руки кричащего вырывающегося трехлетнего Костю, потому что тот никак не соглашался уходить из магазина без игрушки. Смеялись мы над собой, над осуждающими взглядами прохожих, над наивностью собственной юности.

По ходу освоения новой роли также стало очевидно, что спокойная отдохнувшая я, которая умеет беречь себя и не становится жертвой в отношениях с ребенком, способна дать ему больше тепла и заботы, нежели вымотанная домашними делами и позабывшая об отдыхе.

Больше всего во время первого декрета меня выбивала из колеи социальная изоляция. Я оказалась не готова к «медным трубам» и, что еще хуже, не умела попросить о помощи родителей или подруг, считая, что так я распишусь в своей материнской несостоятельности. Хорошо, что у меня была Лена, с которой мы познакомились в роддоме и случайно родили сыночек в один день. Мы регулярно с ней созванивались, обсуждали швы, прививки, колики, трещины на сосках, впечатления от похода в поликлинику, первые зубы, первые «полеты» наших сыно-

вей с диванов и прочие подробности нашей новой жизни. И если б не она, то я бы замкнулась в своей печали окончательно.

Супруг, будучи доктором, в то время совмещал врачебную деятельность в поликлинике с дежурствами в травмпункте, поэтому бывало, что мы с сыном два дня подряд не видели никого, кроме друг друга. Но если для маленького ребенка это не являлось проблемой, то я серьезно тосковала по активной жизни. Мне хотелось жить динамично и весело, а не быть заложницей ребенка, но вместе с тем я боялась отступить от своей позиции, согласно которой «настоящие матери думают в первую очередь о ребенке».

Однажды я выросла из этого убеждения, вылупилась из стереотипной скорлупы, и неожиданно стало легче. Это случилось примерно через год после родов. У сына резались жевательные зубы, и на фоне этого второй день держалась высокая температура. Муж как раз был на дежурстве, а я днем и ночью с градусником караулила младенца, чтобы не дать лихорадке подскочить выше 40 и вовремя сбить жар. В хлопотах я не заметила, как дома кончилась еда. И только ночью, укачивая горячего сына и ожидая, когда подействует жаропонижающий сироп, я вспомнила, что не ела целый день.

Сын дремал на руках, когда я разрывалась между двумя желаниями – пойти на кухню и съесть хотя бы сухарик, чтобы заглушить грустный стон желудка, но тогда я бы потревожила ребенка, или остаться его качать, пока он не уснет достаточно крепко, и поесть потом, что выглядело невероятным в условиях высокой температуры. И если раньше я всегда поступала по второму типу, то в ту ночь наконец-то поняла: если я перестану заботиться о себе, то лишусь возможности заботиться о сыне.

Я встала с ребенком на руках, от чего он тут же пробудился, но не заплакал. Мы пришли на кухню, где я усадила его в детский стульчик. Кажется, сын обрадовался такому плану: улыбнулся, растянув щёчки, тронутые лихорадочным румянцем, и задрыгал ножками. Часы на духовке показывали половину первого ночи. Я включила телевизор, поставила на плиту греться кастрюльку с водой и достала с полки пачку риса.

В ту ночь я впервые отступила от служения ребенку, чтобы воспользоваться правом на заботу о себе. Маленькому ребенку не важно, выглажены его пеленки с двух сторон или нет, совершает ли его мать подвиг, заботясь о нем, или делает это играючи. Ему хочется расти в радости, а это уже гораздо более тонкий момент, нежели просто бытовая обязанность, но об этом он пока не умеет сказать.

Любить ребёнка легче, когда ты умеешь любить себя: заботиться, просить помощи, прощать себе ошибки... И очень трудно принимать детей такими, какие они есть, если ты мама, которая собой не довольна. Мне тоже пришлось пройти через недовольство собой, узнать, какой я могу быть несдержанной и инфантильной, когда нагрузка слишком давит на плечи. Но с этого ракурса мне проще любить своих детей такими, какими они пришли в этот мир, не стараясь их переделать. Раз я не идеальная, отчего же они должны быть другими?

Однажды молодая клиентка поделилась воспоминанием о первых неделях после родов. Несмотря на то, что наступлению успешной беременности предшествовали трудности с зачатием и вынашиванием и дочка была долгожданным ребенком, Марина спокойно влилась в процесс материнства. Она не стала соскальзывать в вязкие пути тревоги, что обычно происходит с родителями, которые долго ждали появления детей. Зато бабушка крошечной внучки очень беспокоилась, что у Марины перестанет хватать молока. Женщина то и дело грела чайник, чтобы готовить для Марины чай с молоком.

– Она заводила будильник и даже ночью поднимала меня каждые два часа, заставляя выпивать по пол-литра чая. Чашки были огромные, и пить приходилось через силу. Я буквально давилась горячим чаем.

У Марины очень быстро выработалось отвращение к чаю и грудному вскармливанию, из-за которого, как она думала, у нее не получалось высыпаться ночью и отдыхать днем. Женщина стала вспыльчивой, а радость от общения с дочкой омрачалась ощущением собственной неполноценности, потому что, не смотря на все усилия бабушки, молока с каждым днем становилось все меньше. Через месяц оно и вовсе кончилось, а вместе с ним страдания и недосып Марины. В нашей беседе она сожалела, что не смогла вскормить грудью дочь, но при этом хорошо помнила, какое облегчение принесло ей искусственное вскармливание.

Когда организм работает на высоких оборотах, а человек не делает пауз, то эту ответственность на себя берет тело и психика. Легко предположить, что организм Марины перестал вырабатывать молоко, потому что борьба за него мешала женщине восстанавливать силы и отдыхать.

Редкая мама может себе позволить высказать возмущение, потому что ей не хочется обижать любимых. Она не позволяет себе выступить против навязчивых советов, расслабиться, запустить домашние дела, чтобы не подвести близких и не прослыть неряхой в глазах окружения. Женщина, героически несущая бремя материнства без поддержки со стороны, становится подобна марафонцу, который не делает пауз между забегами на длинные дистанции. И тогда дает сбой психика, уводя сознание подальше от реальности, например, в депрессию или в психоз, как это произошло в истории с женщиной в психиатрической больнице.

Нам не дано знать, что стоит за видимым благополучием семей и их счастливыми лицами, также нам вряд ли удастся понять, почему кому-то труднее дается душевное равновесие и лад, но я точно знаю, что каждая мама любит свое дитя на пределе возможностей, просто пределы у всех разные.

О праве быть собой

Какой я?

Подростки любят изучать себя. К возрасту 12—14 лет дети перестают верить словам взрослых и желают исследовать на практике, соответствуют ли родительские представления о них действительности. Каждому ребенку на протяжении жизни приходится слышать о себе много разного, и однажды настает момент, когда он решает проверить информацию.

– Мне говорят, что я агрессивный и хамовитый. Так вообще-то и есть, но это происходит без моего желания, – поделился со мной четырнадцатилетний Никита на второй встрече.

– То есть ты не хочешь хамить, но...

– Но это происходит само собой, понимаете?! На самом деле до десяти лет я был хорошим вежливым мальчиком, учился на «отлично», ходил в кружок по шахматам, всегда застилал за собой постель, уступал игрушки младшим и не дрался, когда меня цепляли старшие. Я очень нравился своим родителям – они хвалили меня на каждом шагу, но при этом я был ужасно одинок. Никто не хотел дружить со мной, а некоторые сверстники откровенно дразнили. И тогда я изменился.

– Как это произошло?

– В одиннадцать лет я стал давать отпор тем, кто меня обижал. Я почувствовал, что я сильный, что могу ударить. Сейчас про таких говорят «дерзкий». Так вот, я стал резким и колючим. Казалось бы, от меня должны были все отвернуться! Но нет, с тех пор все мечтают со мной дружить, приглашают на дни рождения, одноклассники выдвигают на пост старосты класса. Я стал популярнее и давно не чувствовал себя в компании лузером, как бывало прежде.

– Тебе нравятся эти изменения?

– С одной стороны – да. Но с другой стороны, я знаю, что на самом деле, я другой. Я до сих пор тот мальчик – отличник и тихоня, который не любит конфликтовать и обожает радовать маму «пятерками». И получается, что никто не знает, какой я настоящий.

– А хочется, чтобы знали?

– Иногда мне так одиноко в своих мыслях, что просто хочется, чтобы кто-то заметил, что моя грубость – лишь маска. Мама считает, что я сильный и умный, бабушка обожает повторять, какой я милый, друзья-приятели восхищаются моим острым языком, а на самом деле я, как хамелеон, подстраиваюсь под среду, чтобы быть своим в ней. И меня раздражает изнутри чувство, что я все время притворяюсь. Как преступник скрываю свое истинное Я.

– Притворяешься или сливаешься со средой, как хамелеон?

– А есть разница?

– Конечно. Притворяешься – значит, делаешь вид, что тебе приятно, допустим, то, что обычно для тебя неприемлемо. А сливаешься со средой – значит, на время становишься ее частью, то есть через поведение, через особенности речи, какие-то ритуалы.

– Значит, я сливаюсь, потому что я никогда не стану изображать из себя то, что для меня не свойственно. Но при этом все равно противно, что с родителями я вынужден сдерживать свою грубость, которая из меня просто лезет в общении со сверстниками. Это какая-то двуличность?

– Скорее адаптация к среде. Мы, правда, не всегда можем позволить себе в беседе с родителями то, что спокойно практикуем с друзьями. Так мы бережем своих родных и сами избегаем ненужных нам ссор.

– То есть я нормальный?

– Вполне. И, кажется, ты классно разбираешься в себе.

– И все-таки я бы хотел знать, какой я.

С Никитой мы работали в ключе его личности, и от встречи к встрече он пробовал присваивать разные маски, которые приходилось ему ежедневно натягивать в школе, на спортивной площадке с друзьями, дома с сестрой, за ужином с родителями. Он проверял, соответствует ли его начинка ожиданиям окружения, но самое главное – разбирался, в каком образе ему быть приятнее, а в каком – больнее. Ему очень хотелось перестать подстраиваться под обстоятельства, но при этом было страшно раскрыться, обнажая свои слабые точки.

Через год регулярных занятий Никита, возмужавший до рослого юноши, уже был способен контролировать свои эмоции, потому что был в ладу с самим собой.

Когда мы знаем, какие мы на самом деле, крепнет наша вера в себя, потому что нам становятся видны и наши сильные и уязвимые стороны. Когда мы знаем, каким наш ребенок является на самом деле, мы можем позволить ему тот старт, который даст ему выше и легче лететь по жизни.

Мама Никиты предложила сыну сходить на встречу с психологом после того, как на нее обрушились в массовом порядке замечания от учителей, а сам сын превратился из улыбчивого парня в колючего и несдержанного мальчишку. Она не вмешивалась в нашу с ним работу, понимая, что это личное дело сына, и дала ему возможность самостоятельно разобраться в себе.

Такое поведение родителя, к сожалению, не является правилом. В ряде случаев подобные истории изобилуют конфликтами внутри семьи, в которых старшее поколение стыдит подростков, унижает, прогибает их волю и заставляет прятать куда подальше эмоции. Есть семьи, где под воспитанием родители понимают процесс строгания Буратино из бревна, забывая, что в каждом ребенке есть Божья искра и стремящееся к развитию начало, забыв о котором, он рискует всю жизнь искать себя в других людях, в вещах и деньгах.

Культура и окружение транслирует человеку определённые ожидания и влияет на формирование его жизненного стиля. Не углубляясь далеко в историю, можно заметить, какими противоречащими друг другу могут быть замечания по отношению к ребенку и как порой не совпадают обращенные к нему слова родителей с тем, что видит он вокруг себя.

Возьмем для примера школу. В подавляющем большинстве отечественных школ приветствуется строгая дисциплина. С одной стороны, учителя требуют от учеников, чтобы те выполняли домашние задания, вовремя приходили к уроку, тихо вели себя на занятиях; а с другой – чтобы они четко и громко для остальных давали ответ по теме, проявляли инициативу во внешкольных мероприятиях, интересовались наукой во внеурочное время. Выходит, дети должны обладать достаточным контролем, чтобы действовать в заданных рамках, но в то же время иметь развитые лидерские качества и творческие способности, чтобы уверенно отвечать на уроках и продвигать свои идеи в обществе, например, в проектах, конкурсах и просто с выражением читая стихи. Послушность и прилежность с одного боку, раскрепощенность с идейностью – с другого, как два прессы с разных сторон, давят на растущий организм, заставляя его подчиняться требованиям общества.

И если послушность и прилежность являются уже выработанной стратегией целых поколений в воспитании чад, то мода на лидерство началась не так давно, но уже захватила весь мир. Чтобы доказать другим, что ты не рохля, а лидер, лет пятьдесят назад было достаточно встать на стульчик во время застолья и громко прочитать стихок или спеть перед гостями. Но сегодня этого мало. Родители соревнуются друг с другом в успешности детей, бравируя их грамотами о первенстве и заслугами, будто вынимая козыри из карманов, с упоением и удовольствием наблюдая за реакцией собеседника.

О том, что дети читают, гуляют, топчут траву на даче и не очень любят мероприятия с большим количеством людей, говорить не модно. Как-то так выходит, что мы возводим в кумиры тех, кто является «локомотивом», и склонны обесценивать не такие заметные успехи тех, кто просто движется в своём темпе.

Был период, когда я совмещала частную практику с работой в детском клубе, где проводила групповые занятия для детей. Это был авторский курс, который назывался «Комфорт» и в основе своей состоял из арт-терапевтических упражнений, направленных на знакомство со своим внутренним миром и потребностями, сильными и уязвимыми местами личности. Несмотря на тёплые отзывы детей и их родителей, после завершения курса, он плохо продавался.

– Если бы ваши занятия назывались «Растим смену Путину» или «Стань лидером», то, поверьте, Катя, вы бы давно обогатились! – поделилась мыслями руководитель клуба и порекомендовала подобрать для проекта более «продающее» название.

Тенденция времени была такая, что тренинги личностного роста и курсы по развитию лидерских качеств продавались, как горячие пирожки. Слова директора лишь подтверждали тот факт, что большинство родителей обеспокоены не психологическим состоянием детей, а их лидерскими качествами, точнее их отсутствием.

Но если разобраться, то лидером не должен и, к счастью, не может быть каждый. Лидер – это тот, кто поведет за собой единомышленников, кто возьмет на себя организацию и управление группой людей. Если бы можно было всех сделать лидерами, то кто бы пошел за ними? Было бы наивно полагать, что развить в себе лидерские качества так же просто, как научиться кататься на велосипеде.

Но важно другое. Ребенок, встречаясь с осуждающим взглядом окружения, когда он так и не смог решиться рассказать громко стих, стоя на стульчике, становится заложником родительских установок о лидерстве. На негласном уровне он получает от них «послание» о том, что нуждается в «дополнениях» и сам по себе недостаточно хорош.

То, что одному ребёнку даётся легко, другому может даваться с усилием, вероятно, потому что он пришел в этот мир для чего-то иного. Читая книгу А. Нила о школе Саммерхилл, это понимаешь особенно ясно: каждый человек – это сокровищница, в которой, подобно камням самоцветам, прячутся особые таланты и умения. И раскрыть это в полной мере можно, только будучи самим собой, имея возможность быть принятым таким, каким тебя создала природа. И, как часто бывает, в таких условиях каждый человек становится немножко лидером, потому что в него верят, его понимают и любят.

Но просто знать, какой твой ребенок – недостаточно для того, чтобы он смог реализовать свой потенциал. Как показывает практика, детям-лидерам часто достаётся за их горячность и повышенную активность. Родители, учителя, соседи – все стараются как-то утихомирить этот движущийся организм. Тогда как детей-тихонь, наоборот, заставляют привыкать к публичным выступлениям, шумным мероприятиям, опять же вставать на стульчик и громко декларировать стихи. И те, и другие страдают от невозможности жить в том темпе, в каком им комфортно, и со всех сторон натываются на замечания по поводу их природы: «безудержный», «неугомонный», «слишком шумный»; «медлительный», «застенчивый» и пр.

Как раньше переучивали левшей на владение правой рукой, так до сих пор наше общество не может перестать критиковать характер детей и «воспитывать» их под созданный в воображении образ идеального ребенка. Некоторые дети «ломаются» под гнетом взрослых, но чаще их внутренняя природа затевает бунт, и тогда у них есть шанс остаться теми, кем они пришли в этот мир: скромнягами, мечтателями, революционерами, романтиками, мастерами перевоплощения, художниками, критиками, добряками или простаками.

Лидер

– Что я могу поделать, если мой сын растет лидером? – всплеснула руками женщина, стоя посреди детской площадки и оправдывая мальчика, который только что в драке с другим ребенком поставил тому шишку и завладел чужим ведерком.

Эта мама устала получать жалобы от родителей детей, которые ходили в одну группу с ее сыном. Она больше не могла спокойно выдерживать беседу, если про ее ребенка говорили как о деспоте и тиране. Женщине пришлось обойти с сыном разных специалистов, от психолога до иглотерапевта, чтобы убедиться в нормальности мальчика, доказать себе и окружению, что его психофизиологическое развитие соответствует норме. Между тем она абсолютно не понимала, что делать с этой данностью в виде искрометного темперамента, неусидчивости и желания во что бы то ни стало быть первым в игре, в песочнице, в драке.

Появившись у родителей, когда тем было около сорока. Оба родителя были успешны в своих профессиях: мама – тренер по художественной гимнастике, папа – врач. Никто из них не планировал жертвовать карьерой даже в малой степени, поэтому с первых же дней мальчика доверили бабушке Вале.

Ярослав рос симпатичным и открытым мальчишкой. Но баба Валя растила внука в строгости, потому что иначе не умела. Пока тот был младенцем, она гуляла с коляской во дворе и с удовольствием хвалилась перед соседками новым статусом бабушки. Когда Ярослав немного подрос, баба Валя стала быстро утомляться от ухода за ним. Мальчик не пошел, а сразу побежал и сильнее ускорялся, если слышал, как бабушка кричит, чтобы тот немедленно остановился.

Во всех делах Ярик демонстрировал неординарный подход: на качелях предпочитал кататься стоя, совком играл не в песочнице, а в лужах, кидал голубям не крошки, а камни, не делился с другими детками песочными принадлежностями, а отбивался от них ведерком при всякой попытке воспользоваться его вещами. Поэтому бабушка не могла ни на секунду расслабиться, ходила за ним по пятам, держа руку на воротничке куртки внука, и, не останавливаясь, шипела: «Не трогай, положи, нельзя, не беги, не прыгай, выкинь, отстань, отряхнись, вылезай, постой, посиди!»

Примерно к трем годам Ярослав выработал иммунитет к голосу бабушки и перестал замечать ее присутствие и комментарии. Пока она, хромая на одну ногу, неловко передвигалась и старалась не упустить его из виду, мальчик делал на самокате круг вокруг дома, вихрем врывался в песочницу, отнимал у родеющих перед его энергетикой ребят интересные машинки и самые красивые лопатки, после чего немедленно скрывался за поворотом.

Бабушка, поймав внука за штанину и уцепившись крепкими пальцами за шиворот, стыдила и вела его извиняться к детям. Ребяшня в компании со взволнованными мамами молча наблюдала за тем, как Ярослав громко и с нужной интонацией произносит «извините, пожалуйста, я больше не буду», но все понимали, что Ярослав «будет».

Ярослав должен был стать примером для подражания, по задумке родителей, но, чем активнее были старания взрослых, тем сильнее страдал контроль над ребенком. Еще не владея речью, он умел проявить благодарность к тем, кто угощал его леденцом, кивая в знак признательности, и с тем же лицом в тот же самый момент мог вдруг швырнуть в бабушку песком и расхохотаться. «Возмездие за счастливый брак», – говорили родители. «Наказание божие», – ворчала баба Валя.

К семи годам Ярослав созрел для словесных баталий со сложными оборотами. Мальчик он был весьма начитанный и избалованный культурными мероприятиями, вроде выставок и спектаклей, а потому за словом в карман не тянулся. «Дура! – кричал он с балкона пятилетней соседке. А потом с удовольствием добавлял: «Набитая творогом и изюмом». Градус напря-

жения в окружении рос, как в скороварке. Бабули во дворе неодобрительно качали головами в косынках, а молодые соседи, имеющие детей, предпочитали не сталкиваться с Ярославом во время вечерних прогулок.

К моменту, когда мать приняла гипотезу о неудержимом лидерстве своего ребенка и стала делиться своими соображениями на этот счет с родителями во дворе, Ярослав сменил уже пять садиков, и теперь родственники подыскивали ему какую-нибудь школу, лояльную к детям с подобным темпераментом.

Агрессивно вторгаясь в личное пространство ребенка, нарушая его право на непосредственность, «вылепливая» из него образец из учебника по педагогике, взрослые, как в истории с Ярославом, пренебрегают той внутренней силой, которая уже в нем заложена. И сила эта, как природная мощь, с неукротимым напором будет рваться наружу, сметая все на своем пути. И роль родителя состоит как раз в том, чтобы помочь ей реализоваться мягко, безопасно, творчески.

К счастью, известно, что Ярослав поступил в частную школу искусств, где смог раскрыть свой потенциал лидера, оратора и лицедея, а в штате школьного педагогического состава оказался психолог, чья компетенция включала работу с семьями, в связи с чем у родителей мальчика появился шанс провести «работу наш ошибками». В частности, теперь за Ярославом во внешкольное время присматривала молодая подвижная няня, готовая поддержать мальчугана в его идеях и инициативах. Получив право на свою волю, мальчик отныне утратил интерес к проявлению воинственных методов в соперничестве с кем-либо, но лидерские качества при этом не растерял.

Так же, как и другим детям, лидерам необходима возможность быть услышанными и реализованными. «Кирпич» на этом пути в форме непрерывного одергивания и укоров со стороны близких лишь добавит искр к желанию «взять барьер силой».

Тревожный ребенок

Если в первые дни и даже месяцы после родов мама не всегда может понять, какой характер унаследовал ее ребёнок, то ближе к году картина делается более или менее ясной. И тогда становится возможным объяснить то поведение младенца в роддоме, которое в свое время заставляло родителей нервничать и недоумевать.

Ко мне таким образом пришло осознание о тревожной натуре дочери. Несмотря на легкое рождение и сразу совместное пребывание в палате, закрытие всех матриц точно по Грофу, моя детка давала мне понять, что ей не хочется со мной расставаться ни на минуту. Спокойная и спящая только у груди, она начинала неистово кричать, стоило положить ее в кровать или передать на руки папе. А научившись фокусировать взгляд, она стала неотрывно следить за мной и начинала кричать сиреной, если вдруг теряла из виду.

Мир и лад в семье, следование за потребностями ребёнка, совместный сон, щадящая диета кормящей матери и удобный для всех режим, – не смотря ни на что, наш новый младенец демонстрировал беспокойство, как только я увеличивала с ним дистанцию больше, чем на пару метров. Дело было не в коликах, не в погоде. Таков был ребенок.

Помню, как мы отправились с трехлетним сыном в кино, чтобы восполнить дефицит времени, которое удавалось выкроить для общения вдвоем. Месячную Люсю мы на полтора часа оставили наедине с папой, и, как оказалось по возвращению, практически все эти девяносто минут дочь орала на руках отца.

Люся терпеть не могла коляску, поэтому я гуляла с ней на руках или носила малышку в слинге. Зимой я надевала поверх эргорюкзак куртку и шла с ней в сад за Костей. Крошка не признавала никого, кроме меня, и всем пришлось с этим считаться. С тех пор, как мы

осознали, какой ребенок у нас поселился в семье, все наши дела были адаптированы под его особенность, точнее под его нежелание разлучаться с матерью. И как бы ни хотелось моему мужу и бабушкам с дедушками потискать Люсю, скоро все смирились с тем, что это доступно только мне.

К двум годам Люся уже хорошо говорила, но свои речевые способности тщательно скрывала на людях, игнорируя вопросы окружающих о том, как ее зовут и сколько ей лет. На улице и в гостях дочь ходила моей тенью, крепко удерживая подол моей юбки или уцепившись за брючину. Расставание со мной даже на несколько минут казалось ей очень дискомфортным, поэтому она могла просидеть у меня на коленях весь вечер, если мы были в гостях, и при этом не вымолвить ни слова. Во дворе Люсю считали нелюдимой, знакомые и друзья шушукались за нашей спиной о «болезненной привязанности» между мной и дочерью, кто-то даже советовал «оторвать» ее от юбки и выйти на работу.

И если в свое время с Костей меня заботило, что думают о нашей семье и отдельно о моем ребенке другие люди, то с рождением Люси я гораздо меньше реагировала на их мнение. Вместе с тем я понимала, что, родись моя тревожная дочь первой, я бы, конечно, наделала с ней больше ошибок и, вероятно, попыталась бы отделиться от нее прежде, чем она бы изъявила к этому готовность. Поэтому в какой-то степени можно считать, что дочери повезло появиться в нашей семье именно второй по счету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.